

ту пору бронированные двери: их заклинило намертво первым толчком. Не стоит и говорить, что ни к каким «сувенирам» поисковики не прикасались. А вот найденный коньяк пился неистово. Просто для того, чтобы выжить... Ведь день за днем новости были все в таком роде: «Кто-то из наших бабушку откопал, дедушку, ребенка...»

Узнать лагерь курян можно было по нелепой табличке «Минуралсибстрой СССР». Грелись буржуйками, от которых толку было мало. Рядом разыгралась новая беда: у добровольцев из Грузии самодельные обогревательные устройства вызвали пожар и задымление с жертвами. И вот

кана, недалеко от тогдашней площади Ленина. Пустырь, что-то наподобие сквера с молодыми деревцами, несколько камней местного минерала туфа — махонький памятник. Знакомый армянин перевел: «На этом месте был детский сад». Все дети погибли...

Вопреки всему, что в эти дни пришлось увидеть и услышать, куряне сохранили рассудок. Да, это нужно особо отметить, ведь было много случаев обратного. О бесчисленных поломанных судьбах вспоминал видный деятель областного здравоохранения, доктор медицинских наук Юрий Кириченко. Он сражался на два фронта (и слово это — не метафора): возглавлял ла-

канализация. Опасность подрыва боеприпасов с колоссального склада, разрушенного, как и все остальное вокруг (обезвреживание контролировал лично министр обороны СССР маршал Дмитрий Язов). Как ни пригорбно, факты мародерства. Вскрылись и проблемы войск гражданской обороны, — этот «прародитель» сегодняшнего МЧС, как показали события Чернобыля и Армении, уже пребывал в немоции. Оборудование, на котором приходилось проявлять чудеса врачебного искусства, нередко представляло собой бесполезный хлам.

— Отгадывайте, какого года выпуска были наши шприцы, фонендоско-

Труд курских профессионалов был крайне важным и очень рискованным

Владимир Вытовтов, вспомнив деревенскую юность, из подножных материалов сложил подобие русской печи. Топили деревянными обломками. Единственным радостным просветом было нечто вроде банного дня (точнее, часа) при содействии военных. И лишь однажды случилось улыбнуться: некий гражданин молил достать его пианино с четвертого этажа... Загвоздка была в том, что лестничный пролет отсутствовал, и единственный способ выволить инструмент — каким-то чудом спустить его на тросах. Ничего, куряне справились.

— Хмуро на сердце было, — делится воспоминаниями Олег Багликов, наш коллега-журналист, а в 1988-м — машинист крана. — Обрушенные дома с торчавшей, словно ребра, арматурой, части разорванных многоэтажек, где на выступлениях еще виднелись какие-то предметы обстановки, картины, детские кровати и игрушки... Самое страшное для меня место было в центре Ленина-

бораторию военной поликлиники в Кировакане и полковой медпункт на обломках Спитака. Медики оказывали помощь и военнослужащим, и гражданскому населению, на ходу осваивая самые разные направления, — в том числе и психиатрию: «Помнится, один военный, майор, пытался вытащить из завала свою дочь, — она была жива, а ноги придавило. Он сам взялся управлять краном, приподнял плиту, — а та разломилась и рухнула ребенку на голову. И отец сошел с ума... Другой офицер, тоже в звании майора, днем продолжал нести службу, а когда сменялся, по ночам повсюду ходил с фонариком и заглядывал в гробы, стоявшие повсюду, — искал жену. И вот в одну из ночей отыскал... Ему тоже мы оказывали соответствующую помощь».

Сколько напастей пережили тогда ликвидаторы вместе с народом, трудно перечислить. Редкие в южном климате морозы до минус 25. Отсутствие питьевой воды и вышедшая из строя

пы, — негодовал Юрий Николаевич. — 1936-го! А рентгеновский аппарат и пленка — 1956-го, попробуйте что-нибудь разглядеть на снимках. Не знаю, как бы мы смогли работать, если бы не помощь ряда иностранных госпиталей и, конечно, поддержка местных жителей. Отношение народа к спасателям, к врачам было столь душевным, что до сих пор слезы на глазах. Однажды мы пошли за какой-то покупкой в чудом уцелевший магазинчик. Там толпилось человек четыреста, и вдруг все они почтительно расступились...

...Из командировки бойцы нашего отряда вернулись к родным за считанные часы, чуть ли не за минуты до наступления нового 1989 года. И единственным желанием под бой курантов у всех участников беспримерной миссии было то, чтобы пережитый ад на земле не повторился.

Павел РЫЖКОВ.

**Фото из архива
Михаила КОТЕЛКИНА**